

Страницы истории

Ф. Ф. МАРТЕНС — МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУПЕРАРБИТР (по англо-венесуэльскому конфликту 1899 г.)

В. В. Пустогаров *

В наши дни Федор Федорович Мартенс известен больше как автор трудов по международному праву. А ведь в пору своей активной деятельности, то есть в последней четверти XIX — начале XX века, выдающийся российский юрист не только проявил себя незаурядным дипломатом и талантливым публицистом¹, но и снискал себе известность как международный арбитр. Одним из примечательных разбирательств, выпавших на его долю, было председательствование в трибунале по англо-венесуэльскому территориальному спору в 1899 году.

Речь шла об установлении границы между Венесуэлой и Британской Гвианой, а спорная территория занимала площадь в 50 000 кв. миль, то есть была лишь ненамного меньше всей Англии.

Спорная территория, так же как Венесуэла и Британская Гвиана, когда-то принадлежала испанской короне. В этих местах издавна компактными районами селились голландские колонисты, которым испанская администрация предоставляла различные льготы ради освоения дикого края. Права голландских колонистов были закреплены Вестфальским миром 1648 года, когда была признана самостоятельность Республики Соединенных Провинций (Голландии). Французская революция 1789 года, перекроившая политическую карту Европы, принесла большие перемены и в Латинскую Америку. В 1810 году на землях испанских колониальных владений возникло независимое государство Венесуэла. В свою очередь, Англия в ходе войн с Наполеоном заняла обширные территории в бассейне реки Ориноко, заселенные в основном

* Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук.

голландскими колонистами. По мирному договору 1814 года Англия закрепила за собой занятые области.

Границы венесуэльских и английских владений определялись в этих просторных и слабо освоенных краях весьма приблизительно. Поэтому в 1834 году английское правительство направило в регион немецкого естествоиспытателя Р. Г. Шомбургка с поручением на месте определить границу Британской Гвианы. Немецкий ученый добросовестно выполнил поручение, и на основе полученных им данных в 1840 году Англия официально заявила об установлении «линии Шомбургка». Венесуэла не признала «линии Шомбургка» и, как наследница прав испанской короны, потребовала возврата территорий, объявленных английским владением.

Англо-венесуэльский конфликт тянулся долго. Дело доходило до разрыва дипломатических отношений и вооруженных столкновений.

Правительство США встало на сторону Венесуэлы. В январе 1896 года президент Кливленд в согласии с американским конгрессом создал специальную комиссию по изучению конфликта. Спор Англии с Венесуэлой грозил перерасти в ее столкновение с США.

С учетом складывающейся ситуации в феврале 1897 года Англия и Венесуэла подписали соглашение о третейском разбирательстве своего спора. В международный трибунал должны были войти от Англии два английских юриста, от Венесуэлы — два американских. В трибунал передавались все материалы созданной в США комиссии. Председателем трибунала предполагалось избрать опытного юриста из государства, нейтрального в споре.

В итоге членами трибунала стали Верховный судья Великобритании лорд Рассел, председатель Высшего апелляционного суда Великобритании лорд Коллинс, Верховный судья США Фуллер и член Верховного суда США Брюэр.

Интересы Англии перед трибуналом защищали четыре английских юриста во главе с Генеральным прокурором Уэбстером, интересы Венесуэлы — четыре американца во главе с бывшим президентом США Гаррисоном.

В группу последних был включен молодой человек испанского происхождения С. Маллет-Превост (это имя важно запомнить). Он был секретарем комиссии, созданной президентом Кливлендом, и считался специалистом по Латинской Америке.

В качестве президента трибунала стороны пригласили русского юриста Ф. Ф. Мартенса. Такой выбор был не случайным. Во-первых, Мартенс жил в России — в одной из великих держав мира, совершенно нейтральной по отношению к спору. Во-вторых, благодаря своему курсу «Современное

международное право цивилизованных народов» (1882—1883), выдержавшему несколько изданий в России и переведенному на ряд иностранных языков; своему «Собранию трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», издававшемуся по поручению МИДа с 1874 года и привлекавшему внимание во многих странах; своему активному участию в международных конференциях и деятельности Института международного права Мартенс приобрел мировой авторитет. В-третьих, к тому времени Мартенс уже имел опыт успешного проведения третейских разбирательств.

Так, в 1893 году он участвовал в арбитраже по спору между Великобританией и США относительно рыболовства в Беринговом море. Свою задачу он выполнил на высоком профессиональном уровне.

Арбитражем, сделавшим имя Мартенса широко известным, стало дело об аресте голландскими властями капитана английского китобойного судна «Коста-Рика Паккет». Процесс длился с 1895 по 1897 год и оставил свой след в международном праве. На нем Мартенс, в частности, впервые сформулировал принцип подсудности капитана за правонарушения в открытом море согласно законам флага судна. Обе стороны выразили свое удовлетворение решением арбитра. Проявлением этого стали также три серебряные вазы для цветов и фруктов, присланные Мартенсу английским и голландским правительствами в качестве подарка².

В ноябре 1898 года в Петербург приехал старый знакомый Мартенса, бывший министр Бельгии, известный юрист Ролен-Жакмен. Он встретился с министром иностранных дел М. Н. Муравьевым и просил у него разрешения для Мартенса быть суперарбитром по франко-сиамскому спору. Муравьев отказал, ссылаясь на занятость Мартенса другими делами. В беседах с Мартенсом Ролен-Жакмен сообщил, что английское правительство хотело бы пригласить русского юриста по спору с Сиамом, а Персия — по спору с Англией³. С учетом всего этого приглашение Мартенсу быть арбитром и по англо-венесуэльскому конфликту выглядело весьма обоснованным.

В ноябре 1897 года ходатайство Англии и Венесуэлы было доложено министром иностранных дел Николаю II, и тот поставил на докладе свое «съ» («согласен»). 14 января 1898 г.* Мартенс представился царю по случаю своего избрания арбитром. Прием протекал, как отметил Мартенс в своем личном дневнике, «довольно долго и милостиво». Мартенс кратко

* По так называемому «старому стилю», который был принят в тогдашней России и отставал от общеевропейского на 12 дней.

изложил историю конфликта, а царь выразил уверенность, что он, как «известный специалист», успешно справится с делом⁴.

В связи с последующим изложением важно подчеркнуть, что в беседах с министром и царем речь шла о разрешении Мартенсу, в том числе как неперемennomu члену Совета МИДа, то есть чиновнику царской службы, принять на себя функции арбитра в международном споре. И министр, и царь, и сам Мартенс исходили при этом из того, что функции арбитра Мартенс будет выполнять самостоятельно, как независимый юрист. Мартенс не получал от министра, а тем более от царя никаких инструкций, поручений или рекомендаций. Царь лишь выразил надежду, что его подданный с честью выполнит свое дело. Что же касается аудиенции, то также не следует переоценивать ее значения. Мартенс бывал на приемах у царя и по менее значительным поводам (например, по случаю выхода в свет очередного тома «Собрания трактатов»). Решающее значение для получения аудиенции имела, как правило, протекция министра или иного сановника (например, К. П. Победоносцева).

Местом заседаний трибунала был избран Париж, а языком разбирательства — английский. Первоначально намечалось начать работу в конце 1898 года. Однако стороны сильно затянули представление своих материалов, и в конце концов слушание было перенесено на июнь 1899 года. Непредвиденный перенос ставил Мартенса в тяжелое положение. Дело в том, что 18 мая 1899 г.* в Гааге открылась конференция мира с участием 27 государств. Инициатором созыва конференции выступила Россия, а Мартенс стал фактическим автором ее программы и должен был играть важную роль в ее проведении. Теперь к сложнейшим заботам на конференции добавлялась трудная работа в арбитражном трибунале, причем Мартенсу предстояло курсировать между Гаагой и Парижем.

Еще из газетной информации опытный глаз юриста уловил особенности предстоящей миссии. Так, в соответствии с заключенным соглашением трибунал составили представители спорящих сторон. Единственным нейтральным судьей был президент трибунала Мартенс. Поскольку стороны были представлены в трибунале поровну, то его голос становился решающим. Более того, он как суперарбитр мог единолично выносить решение, причем решение безапелляционное.

Заседания трибунала начались в середине июня, в разгар Гаагской мирной конференции. Они проходили в здании французского Министерства иностранных дел. На открытие пришел и сказал несколько приветственных слов министр

* Далее даты даются по общеевропейскому исчислению времени.

Делькассе. Ему отвечал президент трибунала Мартенс. К разочарованию Мартенса, на открытие пришло всего с десяток человек. Публики в зале не было совсем. Невниманье к столь значительному, по его мнению, событию удивляло, и Мартенс нашел, что французы организовали работу трибунала «мизерно и по-республикански»⁵.

Работа трибунала началась, и Мартенсу пришлось нелегко. Проведя (по-французски) бурное заседание на конференции в Гааге, он на поезде мчался в Париж, где ему предстояли четыре часа слушания и прений на английском языке. Заседания скоро стали будничными и нередко утомительными. Выйдя после заседания в жару и духоту летнего Парижа, Мартенс в ожидании поезда искал прохлады и отдохновения в церквях⁶. Последнее обстоятельство важно отметить: нигде Мартенс даже намеком не упоминал о каких-то неслужебных встречах с членами трибунала и тем более представителями спорящих сторон. Его общение с ними ограничивалось официальными отношениями. Да и времени на иные беседы не хватало, ибо нужно было спешить в Гаагу, где его называли «душой конференции».

Всего состоялось 54 заседания трибунала, по четыре часа каждое. Выступления английской стороны заняли 13 дней, столько же получила венесуэльская сторона. Заключительные речи произнесли Уэбстер и Гаррисон. Слушание закончилось 27 сентября. 3 октября 1899 г. трибунал объявил свое решение.

Все заседания трибунала протоколировались. Позднее протоколы были опубликованы и составили 11 томов. Ход разбирательства освещался в прессе, хотя и довольно скупо. Особенно внимательно за слушаниями следил британский Форин офис, который регулярно получал из Парижа обстоятельную информацию*. В его архиве хранятся 15 томов материалов по данному вопросу⁷.

Решение трибунала передавало 90% спорной территории Англии и 10% Венесуэле. Однако Венесуэла получила стратегически важный район в устье реки Ориноко.

Решение трибунала оказалось необычным по форме: оно было весьма кратким и не содержало юридического обоснования. Кроме того, оно было вынесено от имени всего трибунала в целом. Если решения других арбитражных судов принимались нередко большинством голосов, с указанием позиции всех членов суда, а порой и с изложением их особого мнения, то решение трибунала от 3 октября содержало только приговор.

* Кстати, автору данной статьи не удалось обнаружить в Архиве внешней политики России каких-либо следов интереса российского Министерства иностранных дел к англо-венесуэльскому арбитражу.

Такая форма была встречена специалистами с живым интересом и неоднозначными оценками.

В заключительной речи в трибунале, а также в интервью агентству Рейтер и других высказываниях для печати Мартенс изложил свои соображения по итогам арбитража.

Прежде всего он указал на значение арбитража для дальнейшего развития международного права. Он подчеркнул, что *трибунал впервые принимал решение, руководствуясь правилами, принятыми недавно закончившейся Гаагской конференцией мира.*

Он указал также, что граница, установленная трибуналом на спорной территории, является «линией, основанной на справедливости и праве». Одновременно эта граница явилась компромиссом между требованиями сторон. К компромиссу побуждала также сложность, запутанность правовых аспектов конфликта, корни которого уходили в XV век.

Мартенс обосновал новую форму арбитражного решения. Он отметил, что *решение, принятое трибуналом как единым целым, имеет больше моральной силы, чем решение, принятое большинством голосов.*

Реакция сторон и общественности других стран на решение трибунала была в целом положительной.

Гаррисон и Маллет-Превост в интервью лондонской «Таймс» (4 октября 1899 г.) говорили о «победе», одержанной Венесуэлой. Английский представитель в венесуэльской столице доносил лорду Солсбери о равнодушии местной общественности к принятому в Париже решению (депеша от 7 и 19 октября). В ежегодном послании конгрессу США 5 декабря 1899 г. президент Маккинли оценивал решение трибунала как «удовлетворительное для обеих сторон». Аналогичные оценки решению давались в английской прессе⁸.

В мировой печати тех дней подчеркивалось, что арбитражное решение положило конец конфликту между двумя странами и открыло перспективы для развития нормальных отношений между ними. Отмечалось, что затраты сторон на весь довольно продолжительный арбитраж оказались ниже расходов на один день войны между ними. Указывалось, что третейское разбирательство в Париже подтверждает правильность тех путей мирного решения конфликтов между государствами, которые нашли закрепление в актах Гаагской конференции мира.

В целом председательствование в парижском трибунале 1899 года заметно подняло международный престиж Мартенса. Английская королева Виктория уже в октябре 1899 года прислала ему благодарность⁹. В 1901 году Йельский университет (США) присвоил ему звание почетного доктора наук.

Констатацией успешного исхода третейского разбирательства 1899 года, умножившего почетные лавры выдающегося российского юриста, можно было бы и закончить эту статью, если бы не сенсация, разорвавшаяся как бомба на страницах американского журнала в июле 1949 года¹⁰. В статье американского юриста О. Шёнриха содержался «меморандум Маллет-Превоста», записанный под его диктовку в феврале 1944 года (Маллет-Превост стал партнером юридической фирмы в Нью-Йорке). Согласно завещанию, меморандум был опубликован лишь после смерти Маллет-Превоста в декабре 1948 года.

Основное содержание меморандума и сопровождающей его статьи сводится к тому, что решение третейского трибунала 1899 года не основывалось ни на справедливости, ни на праве. Оно якобы явилось результатом закулисной сделки между Великобританией и Россией, и американские члены трибунала пошли на него под ультимативным давлением президента трибунала Мартенса.

Объем статьи не позволяет сколько-нибудь подробно пересказывать все «разоблачения» Маллет-Превоста. Остановимся лишь на некоторых из них.

Прежде всего он подробно изложил свои воспоминания об общении с английскими членами трибунала, из которых следовало, что лорд Коллинс и лорд Рассел действовали не как независимые юристы, руководствовавшиеся нормами права и профессиональной честью, а как угодливые чиновники, получавшие указания от своего правительства. Когда в августе 1899 года трибунал после слушания сторон сделал перерыв на две недели, лорд Коллинс и лорд Рассел вместе с Мартенсом поехали в Лондон и там согласовали свою сделку. За поддержку в венесуэльском деле Англия вознаградила Россию, очевидно, в каком-то другом вопросе.

Маллет-Превост живописно изобразил, как в начале сентября 1899 года после завершения слушания сторон его пригласил к себе в гостиницу американский член трибунала Брюэр. Брюэр заверил Маллет-Превоста, что он и его коллега Фуллер полны решимости отстаивать интересы Венесуэлы, но вот президент трибунала Мартенс заявил, что если они не согласятся на предложенную им линию раздела, то он присоединится к англичанам. В этой ситуации Брюэр и Фуллер обращаются к Гаррисону за советом. Как Гаррисон решит, так они и поступят. Они готовы остаться в меньшинстве и записать в решении свое особое мнение. На самом решении это особое мнение, естественно, не отразится.

Маллет-Превост поспешил к Гаррисону. Тот, по его словам, пришел в негодование, бегал в волнении по комнате, воз-

мушался Мартенсом. Однако в заключение он поручил передать американским членам трибунала о своем согласии на предложенный Мартенсом компромисс¹¹.

«Разоблачительная» публикация вызвала удивительно быстрое, тщательно аргументированное и непривычно резкое опровержение, напечатанное в октябрьском номере того же журнала за 1950 год. За перо взялся английский юрист, преподававший в университете американского штата Висконсин, К. Чайлд¹².

Реакцию Чайлда легко понять. Ведь позорное пятно ложилось на репутацию не только Мартенса, но и всех членов трибунала. Лорд Коллинс и лорд Рассел меняли свою позицию в соответствии с инструкциями из Лондона. Они увезли президента трибунала Мартенса на свой туманный остров и там втайне заключили с ним сделку. Не лучше вели себя Брюэр и Фуллер. Вместо того чтобы действовать независимо и самостоятельно, они тайно получили указания Гаррисона. Получается, что весь трибунал состоял не из независимых судей, а из прожженных дельцов, торговавших своей профессиональной честью. Бедная Венесуэла!

Чайлд взял на себя большой и неблагодарный труд перепроверить утверждения Маллет-Превоста по архивным и иным материалам. Его поиски дали богатые плоды: категорические утверждения Маллет-Превоста оказались не соответствующими фактам. Искажений и домыслов набирается столь много, что в данном контексте можно привести лишь некоторые из них.

Так, Маллет-Превост красочно описывал свою беседу по делу с лордом Расселом как членом трибунала на обеде в Лондоне в январе 1899 года. В действительности же тогда лорд Рассел не только не был членом трибунала, но и не имел к нему никакого отношения. В трибунал он вошел неожиданно, взамен внезапно умершего в марте 1899 года лорда Хершеля.

По заметке в «Таймс» Чайлд установил, что лорд Рассел действительно находился в Англии во время перерыва в работе трибунала, но не в Лондоне, а в своем поместье. О поездке Мартенса в Англию никаких сведений не обнаружилось ни в прессе, ни в архивах Форин офиса, хотя такое событие наверняка не прошло бы незамеченным.

Не удалось найти ни малейших следов мифической сделки между Англией и Россией, хотя Чайлд внимательно изучил все 15 томов архивного дела по арбитражу и дипломатическую переписку между Лондоном и Петербургом тех дней. Более того, обнаружилось множество аргументов в пользу того, что обострение отношений между Россией и Англией тогда объективно не оставляло места для подобной сделки¹³.

Изыскания Чайлда разрушили версию о наличии в трибунале двух лагерей — английского и американского. Он, в частности, напомнил о высказываниях Брюэра, согласно которым каждый член трибунала имел свое мнение относительно будущей разграничительной линии, а линия, установленная решением трибунала, пролегла «между» этими четырьмя точками зрения. Чайлд пришел к выводу, что если Мартенс и воздействовал на членов трибунала, то на всех, а не только на американцев, и делал это во имя достижения взаимоприемлемого решения.

Чайлд опровергает утверждения о том, что решение трибунала вызвало «всеобщее недоумение», что друзья Венесуэлы были «шокированы» и т. п.

В целом Чайлд не оставил камня на камне от домыслов Маллет-Превоста. Теперь понятно, почему Маллет-Превост разрешил публикацию своих воспоминаний («меморандума») лишь после своей смерти.

Работа над материалами о жизни и деятельности Мартенса позволяет мне поддержать и подкрепить позицию Чайлда в том, что касается российского президента трибунала. В архивах российского МИДа мне не пришлось встретить ни малейших намеков на мнимую сделку между Россией и Англией или на то, что Мартенс получал какие-либо инструкции от своего правительства. Наоборот, интимные дневниковые записи Мартенса, не предназначенные для чужих глаз, содержат подтверждения тому, что в качестве суперарбитра он действовал независимо и самостоятельно, ориентируясь лишь на международное право и свои представления о задачах международного правосудия.

Читая дневник Мартенса за период с 16 по 25 августа 1899 г. (у него это время с 4 по 13 августа), хорошо представляешь его живущим в Париже. О поездке в Лондон там, естественно, нет ни слова. Кстати, волновал его не трибунал, продолживший свои заседания 27 августа, а итоги недавно закончившейся конференции в Гааге, которой он отдал столько сил. Грустные мысли одолевали его: «... сегодня у меня день рождения, мне 54 года. Никогда я не встречал этот день так одиноко, без жены, без детей, без друзей. Правда, «Фигаро» и другие французские газеты хвалят меня за конференцию, но это слабое утешение. Благодарности с родины пока нет»¹⁴.

Наконец, 2 октября в дневнике появляется запись о завершении работы трибунала. Запись краткая и изображает ситуацию следующим образом. «Наконец-то кончился англо-американский арбитраж,— записывает Мартенс.— Очень устал. Завтра же еду в Баден-Баден. Мне удалось уговорить членов трибунала на компромисс. Очень хорошо ко мне относится

Фуллер. Британская алчность. В результате решение третейского суда принято единогласно. Ура!!!»¹⁵.

Таким образом, Мартенс уговаривал членов трибунала согласиться на компромисс. Своей целью он ставил единогласное решение и обрадовался, когда это ему удалось («Ура!!!»). Его запись вполне согласуется с высказываниями Брюэра и итогами изысканий Чайлда, но не с утверждениями Маллет-Превоста и Шёнриха. И оказывается, что Мартенсу было легче убедить в желательности компромисса американцев (хорошее отношение Фуллера), нежели англичан («британская алчность»). Какая уж тут «сделка»!

По пути в Россию Мартенс по протекции Победоносцева был принят Николаем II в Дармштадте. Беседа была достаточно продолжительной, но она вращалась вокруг итогов Гаагской конференции мира. В подробной дневниковой записи Мартенс ни словом не упоминает англо-венесуэльский арбитраж¹⁶.

Статья Чайлда, казалось бы, восстановила историческую правду. Однако спекуляции вокруг арбитража 1899 года и лично Мартенса как арбитра не прекратились. В 1952 году в скандинавском юридическом ежегоднике появилась статья о Мартенсе, в которой был воспроизведен весь букет опровергнутых домыслов: и «неожиданность» решения трибунала, и «секретное соглашение» Мартенса с «одной группой», и его «ультиматум» «другой группе» и т. п. Автор этой статьи пытался доказать, что Мартенс не был честным, независимым арбитром в англо-венесуэльском споре и вообще был не «человеком права», а скорее царским чиновником, царским писакой¹⁷.

В этой связи и ради исторической истины следует указать, что Мартенс отнюдь не был послушным исполнителем указаний начальства, услужливым писакой царя по международному праву. В подтверждение можно было бы написать целую статью, но ограничимся лишь несколькими примерами.

В 1887 году Мартенс, приглашенный в Государственный совет как специалист по международному праву, высказался против законопроекта о предоставлении министру юстиции права делать закрытыми судебные заседания. Его доводы были настолько убедительными, что законопроект оказался проваленным. Позиция Мартенса вызвала недовольство могущественного тогда Победоносцева и раздражение царя, поручившего министру Гирсу «распечь Мартенса». Однако строптивый юрист остался верен своей позиции.

В 1893 году между Россией и Англией возник конфликт из-за промысла морских котиков. За два месяца русские военные суда задержали 11 английских шхун. Созданная в Петербурге межведомственная комиссия склонялась к поддержке

моряков. Один Мартенс резко («непатриотично») выступил против. Он ссылаясь на международные правила, запрещающие останавливать и конфисковывать иностранные суда вне 30-мильной прибрежной зоны. Совладать с моряками он не смог и поэтому решительно отошел от проблемы котиков, наотрез отказавшись ехать на международную конференцию в Вашингтон в 1897 году.

В 1898 году могущественный тогда министр финансов С. Ю. Витте выдвинул проект создания свободного порта (порто-франко) вблизи приобретенного Порт-Артура. Мартенс, которому МИД передал проект, высказал по нему возражения международно-правового характера, а когда Витте прислал в МИД «сердитое письмо» относительно какого-то «профессора Мартенса», то тот вступил в полемику с могущественным министром¹⁸.

Не удивительно, что Мартенса, несмотря на его высокий международный авторитет, не жаловали в высоких сферах. Он так и не стал российским посланником, хотя руководство МИДа не раз обещало ему этот пост, он так и не попал в члены Государственного совета, хотя неоднократно и успешно выступал там в качестве эксперта.

В заключение следует подчеркнуть, что деятельность Мартенса в качестве международного арбитра определялась его учением о международном праве, его научной концепцией международного правосудия.

В своих трудах он подчеркивал принципиальное отличие международного права от государственного права, международного правосудия от внутригосударственного судопроизводства. В международных отношениях нет стоящей над государствами законодательной, исполнительной или судебной власти. За международным правом и судебным решением, вынесенным на его основе, не стоит надгосударственная принудительная сила. «Все значение международных отношений и вся сила международного права основываются именно на общности социальных, культурных и правовых интересов, соединяющих цивилизованные народы»¹⁹, — указывал Мартенс. Поэтому, приветствуя укрепление международного правосудия, он считал нереальной идею надгосударственного судебного органа с обязательностью его решений для всех споров между членами мирового сообщества. Кто обеспечит независимое функционирование такого судебного органа? По каким статьям он будет выносить приговор, если в международном праве нет никакого кодекса? Какая материальная сила обеспечит исполнение приговора? Создание постоянной международной «эксекutionной армии» Мартенс считал тогда маловероятным²⁰. На Гаагской конференции мира 1899 года Мартенс

горячо, но безуспешно выступал за создание постоянного международного суда с обязательными решениями хотя бы по ограниченному кругу вопросов. Конференция учредила Постоянную палату международного третейского суда, к которому конфликтующие стороны обращаются добровольно, по взаимному согласию.

Третейский суд в своих решениях опирается на право и действует независимо от сторон. Но его предназначение состоит не в простом вынесении «правового приговора». По мнению Мартенса, *главная цель третейского разбирательства заключается в мирном и по возможности окончательном урегулировании межгосударственного конфликта*. Поэтому международный арбитр, опираясь на право, должен побуждать конфликтующие стороны к компромиссу, к решению, приемлемому для сторон.

Исходя из такой концепции, Мартенс стоял за *представительство в третейском суде всех конфликтующих сторон, за единогласное решение суда и против возможности обжалования вынесенного решения*.

Подход Мартенса к международному арбитражу порождал полемику в свое время и вызывает дискуссии в наши дни. Вместе с тем он находил и продолжает находить многочисленных сторонников. В его пользу свидетельствует, в частности, успешная арбитражная практика самого Мартенса, в том числе арбитраж 1899 года. Научные воззрения и практическая деятельность выдающегося российского юриста в вопросах арбитража сохраняют актуальность и для современного международного права.

¹ См. В. В. Пустогаров. Ф. Ф. Мартенс: юрист, дипломат, публицист // Сов. журнал международного права.— 1991.— № 3—4.

² Архив внешней политики России.— Оп. 787.— Д. 9.— Ед. хр. 3.— Л. 10.

³ Там же.— Л. 95.

⁴ Там же.— Ед. хр. 4.— Лл. 10—13.

⁵ Там же.— Ед. хр. 5.— Л. 52.

⁶ Мартенс Ф. Ф. Гаагская конференция мира // Вестник Европы.— 1900.— № 2.— С. 24.

⁷ Child Clifton. The Venezuela—British Guiana Boundary Arbitration 1899 // American Journal of Intern. Law (AJIL).— 1950.— No 10.— P. 682.

⁸ Ibid.— P. 691—693.

⁹ АВПР.— Оп. 787.— Д. 9.— Ед. хр. 5.— Л. 87.

¹⁰ Schoenrich O. The Venezuela — British Guiana Boundary Dispute. // AJIL.— 1949.— No 7.

¹¹ Ibid.— P. 529—530.

¹² Child C. Op. cit.

¹³ Ibid.—Р. 684—688.

¹⁴ АВПР.—Оп. 787.—Д. 9.—Ед. хр. 5.—Лл. 63—66.

¹⁵ Там же.—Лл. 72—73.

¹⁶ Там же.—Лл. 79—80.

¹⁷ Nussbaum A. Frederic de Martens. Representative Tsarist Writer on International Law// Nordisk Tidsskrift for International Ret og jus Gentium.—1952.

¹⁸ АВПР.—Оп. 787.—Д. 9.—Ед. хр. 4.—Л. 36.

¹⁹ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов.—Изд. 3-е.—Т. 1.—СПб., 1885.—С. V.

²⁰ Там же.—С. 225.